

Прикладная эконометрика, 2016, т. 43, с. 52–72.
Applied Econometrics, 2016, v. 43, pp. 52–72.

Е. Ю. Полякова, Л. И. Смирных¹

Дифференциация трудовых доходов между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым: имеет ли значение этничность?

Цель данного исследования — определить влияние этничности на неравенство трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками на российском рынке труда. Анализ проводился на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2004–2012 гг. Его результаты показали, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым проигрывают по уровню трудовых доходов не только местным работникам, но и этнически русским индивидам с иммиграционным прошлым.

Ключевые слова: иммиграционное прошлое; секторальная сегрегация; дифференциация трудовых доходов; спрос на труд; Россия.

JEL classification: J61; J15; J21; J31; J23.

1. Введение

Россия после распада СССР стала страной, принимающей большие иммиграционные потоки из бывших союзных республик. Ежегодно на российском рынке труда оказываются около 1.5 млн трудовых мигрантов из бывших республик Советского Союза (Ионцев, Ивахнюк, 2012). Доля иммигрантов в трудоспособном возрасте из стран СНГ насчитывает почти 81% от их общего потока (Население России..., 2015).

Иммигранты, оказавшиеся на российском рынке труда, часто отличаются по своим производительным характеристикам (например, по накоплению человеческого капитала), а также по этническим признакам от местных работников. Они не всегда занимают рабочие места, одинаковые по характеристикам с рабочими местами, на которых трудятся местные работники. Однако даже если обе группы являются одинаково производительными, их трудовые доходы могут различаться (например, по причине дискриминации).

Изучению дифференциации трудовых доходов между местными работниками и иммигрантами посвящено значительное число зарубежных исследований (Islam, Parasnis, 2014; Hofer et al., 2014; Cabral, Duarte, 2013; Aldashev et al., 2012; Montoya, Giordano, 2012; Lehmer,

¹ Полякова Евгения Юрьевна — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; eypolyakova@hse.ru.

Смирных Лариса Ивановна — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; lsmirnykh@hse.ru.

Ludsteck, 2011; Neuman, Silber, 1996). Согласно результатам большинства из них иммигранты часто зарабатывают меньше, чем местные работники (Hofer et al., 2014; Cabral, Duarte, 2013; Aldashev et al., 2012; Lehmer, Ludsteck, 2011; Montoya, Giordano, 2012). В одних случаях это объясняется меньшими накоплениями человеческого капитала иммигрантов по сравнению с местными работниками (Aldashev et al., 2012; Lehmer, Ludsteck, 2011; Montoya, Giordano, 2012). В других причиной является «самоотбор» иммигрантов в низкооплачиваемые сферы деятельности или неравный доступ к некоторым рабочим местам (Catanzarite, 2000; Waldinger, Bailey, 1991). В третьих указывается, что иммигранты являются дискриминируемой группой на рынке труда (Aldashev et al., 2012; Cabral, Duarte, 2013; Hansen et al., 2010).

Важным фактором дифференциации в трудовых доходах между местными работниками и иммигрантами является статус гражданства (Hanson, 2005; Farer, 1995; Bratsberg et al., 2006). Если местные работники имеют, как правило, гражданство страны проживания, то у иммигрантов его, как правило, нет. При этом значительное число исследований указывает на то, что различия в трудовых доходах возникают не столько по причине отсутствия гражданства принимающей страны, сколько по этническому признаку (Zorlu, 2013; Lehmer, Ludsteck, 2011; Fontaine, 2008; Neuman, Silber, 1996) или в результате комбинации гражданства и этничности (Glitz, 2014; Catanzarite, 2000; Wright, Ellis, 2000; Neuman, Silber, 1996). Индивиды, длительно проживающие в стране и получившие ее гражданство, не всегда разделяют ее традиции, ценности и др., с трудом интегрируются в социальное и экономическое пространство и не всегда становятся такими же членами общества, как и местное этнически коренное население.

В этой связи изучение дифференциации трудовых доходов по причине этнических различий между местными работниками и иммигрантами представляет интерес в контексте возможностей ассимиляции иностранной рабочей силы на рынках труда принимающих стран. Для России это имеет значение, поскольку поток иммигрантов в страну постоянно увеличивается и состоит не только из этнически русских, но и этнически нерусских работников. За годы после распада Советского Союза часть иммигрантов из бывших республик получила российское гражданство. Однако, пребывая длительное время на российском рынке труда, этнически русские и этнически нерусские иммигранты по-разному адаптируются и ассимилируют с местными работниками. Результаты ассимиляции проявляются в том числе в дифференциации трудовых доходов этнически нерусских или русских иммигрантов и местных работников.

В России число исследований о различиях между трудовыми доходами местных работников и иммигрантов незначительно. Во многом это объясняется отсутствием данных, подходящих для проведения такого рода анализа. Вместе с тем, имеющиеся результаты по России указывают, что средняя заработная плата у иммигрантов (иностранцев работников) ниже, чем у местных работников (Вакуленко, Леухин, 2016; Смирных, Полякова, 2015; Григорьева, Мукомель, 2014; Локшин, Чернина, 2013; Commander, Denisova, 2012; Зайончковская, Тюрюканова, 2010).

Так, например, в исследовании Григорьевой и Мукомель (2014) выявлено, что мигранты получают значительно меньше россиян, занятых на аналогичных трудовых позициях. В исследовании Вакуленко, Леухина (2016) определяется дискриминационный разрыв заработных плат иностранных и местных работников, и отмечается, что наибольший вклад в его величину вносят виды экономической деятельности (отрасли экономики), в которых заняты работники. Однако используемая авторами методика позволяет определить только краткосрочные различия в заработных платах между иностранными наемными работника-

ми и местными работниками и не учитывает заработную плату самозанятых и (или) неформально занятых трудовых мигрантов.

Кроме того, во всех этих исследованиях в качестве иммигрантов рассматривается иностранная рабочая сила, состоящая в подавляющем большинстве из этнически нерусских работников, привлекаемых работодателями на относительно короткий срок в определенные секторы экономики. Однако, оставаясь на российском рынке труда длительное время, иностранные работники могут получить гражданство, влиться в состав граждан Российской Федерации, но при этом не утратить этничность и социально-культурные особенности. Со временем, в результате ассимиляции неравенство трудовых доходов между ними и местными работниками может сократиться. Однако оно может не измениться или даже увеличиться, если процессы ассимиляции и интеграции иностранной рабочей силы на российском рынке труда не происходят или осуществляются замедленно.

В предыдущих исследованиях по России этничность, как параметр, влияющий на дифференциацию трудовых доходов, никак не учитывался. Вместе с тем, на роль этничности в дифференциации трудовых доходов косвенно указывают результаты исследования Лазаревой, где показано, что в отдельные годы поток иммигрантов в Россию состоял в значительной мере из этнически русских индивидов (Lazareva, 2015). Этнически русские иммигранты, для большинства из которых русский язык является не только родным языком, но и языком получения образования, минимально подвержены дискриминационной практике на российском рынке труда (Lazareva, 2015). В работе Смирных, Поляковой (2015) выявлено, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым зарабатывают на российском рынке труда меньше местных работников, и большая часть этого разрыва приходится на долю влияния ненаблюдаемых факторов.

Вместе с тем авторам не известны исследования, результаты которых объясняют (на российских данных) размер и причины различия в трудовых доходах между этнически русскими и этнически нерусскими иммигрантами по сравнению с местными работниками. Для подробного изучения таких различий и было выполнено данное исследование. Его целью является определение размера и причин дифференциации трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым, относящимся к разным этническим группам, и местными работниками. Для анализа использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)² за 2004–2012 гг. В качестве объекта исследования рассматривались индивиды с иммиграционным прошлым. К ним относились этнически русские и этнически нерусские индивиды, которые не рождены в Российской Федерации.

Методология проводимого анализа имеет как общие, так и отличительные черты с другими российскими исследованиями. В настоящей статье, как и в (Lazareva, 2015), используются данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, но за более длительный период времени, причем не только для этнически русских, но и для этнически нерусских индивидов. Как в (Вакуленко, Леухин, 2016), определяется влияние распределения индивидов двух групп по секторам экономики на дифференциацию трудовых доходов между ними. Однако, в отличие от этих авто-

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms/> и <http://www.hse.ru/rlms/>).

ров, не рассматривается квотированная иностранная рабочая сила, которая относительно короткое время находится на российском рынке труда и, как правило, не имеет российского гражданства. В настоящей работе анализируются индивиды с иммиграционным прошлым, которые длительное время проживают в России и с высокой вероятностью могут иметь гражданство РФ. Как и другие исследователи (Вакуленко, Леухин, 2016; Локшин, Чернина, 2013), авторы использовали метод декомпозиции Блайндера–Оаксаки (Blinder, 1973; Оаксака, 1973). Вместе с тем, чтобы оценить дифференциацию трудовых доходов между группами при одинаковом распределении их по секторам экономики, дополнительно применяется метод разложения по Брауну (Brown et al., 1980; Wei, Lu, 2007; Meng, Zhang, 2001; Neuman, Silber, 1996).

Работа состоит из семи разделов. Во втором разделе рассматривается релевантная теоретическая и эмпирическая литература. В третьем разделе дается описание данных и процесса формирования на их основе переменных, используемых для анализа. Четвертый раздел содержит основные описательные статистики. Описание эконометрической модели и методологии исследования приводится в пятом разделе. В шестом разделе обсуждаются полученные результаты. Наконец, в седьмом разделе подводятся итоги исследования и делаются выводы на основе полученных результатов.

2. Обзор литературы

Большинство исследований по дифференциации трудовых доходов иммигрантов (индивидов с иммиграционным прошлым) и местных работников выполнены в европейских странах и США (Hofer et al., 2014; Cabral, Duarte, 2013; Aldashev et al., 2012; Montoya, Giordano, 2012; Lehmer, Ludsteck, 2011; Bartolucci, 2010; Behtoui, 2004; Meng, Zhang, 2001).

По их результатам можно составить представление не только о размерах, но и причинах дифференциации трудовых доходов местных работников и иммигрантов. Например, для Германии было установлено, что трудовые доходы у местных работников выше, чем у иммигрантов: у мужчин на 11.3%, а у женщин на 20%. При этом ненаблюдаемые различия в производительности между двумя группами объясняют около 51% разрыва в трудовых доходах у мужчин и около 88% у женщин (Aldashev et al., 2012). В другом исследовании по Германии отмечается, что дифференциация в трудовых доходах между иммигрантами и местным населением в среднем составляет 13% (Bartolucci, 2010). Различия в оценках у отдельных авторов обусловлены различиями в выборках и годах проведения исследования³.

В Аргентине дифференциация трудовых доходов между местными работниками и внешними иммигрантами составляет 70% для женщин и 39% для мужчин в пользу местного населения. Однако вклад ненаблюдаемых факторов объясняет лишь 15.6% дифференциации трудовых доходов у женщин и 20.2% у мужчин (Montoya, Giordano, 2012).

Для Португалии дифференциация трудовых доходов между иммигрантами и местными работниками равна 13.9%, и большая ее доля приходится на различия в наблюдаемых социально-демографических характеристиках двух групп (Cabral, Duarte, 2013).

³ В одном исследовании использовались данные (cross-sectional) только за 2005 г. (Aldashev et al., 2012), а в другом — панельные данные за 1995–2005 гг. (Bartolucci, 2010).

Исследования на австрийских данных свидетельствуют, что трудовые доходы местного населения на 15% выше, чем трудовые доходы иммигрантов, и влияние ненаблюдаемых факторов объясняет малую часть этой разницы (3–5%) (Hofer et al., 2014).

Среди исследователей считается, что этничность и владение языком могут оказывать существенное влияние на дифференциацию трудовых доходов между иммигрантами и местными работниками (Lazear, 1999; Zorlu, 2013). Индивиды, плохо владеющие языком принимающей страны, склонны искать работу через социальные сети, что часто приводит к их занятости в определенных, традиционно закрепленных за этническими группами, часто малооплачиваемых секторах экономики и, как следствие, негативно отражается на уровне трудовых доходов (Bauer et al., 2005). Напротив, если иммигранты схожи по своим социально-демографическим характеристикам с местными работниками и к тому же не имеют с ними культурных и языковых различий, то дифференциация заработных плат между ними и местными работниками может отсутствовать или быть минимальной (Zorlu, 2013).

Дифференциация трудовых доходов между иммигрантами и местным населением часто оценивается с использованием стандартного метода разложения Блайндера–Оаксаки. Этот метод позволяет выявить, какой вклад вносят наблюдаемые и ненаблюдаемые факторы в дифференциацию заработных плат двух групп. Он может быть использован для оценки влияния отдельных факторов и (или) фактического распределения индивидов по секторам экономики на дифференциацию трудовых доходов между двумя группами. Чтобы оценить дифференциацию трудовых доходов двух групп, если они были заняты в одних и тех же секторах экономики, используется декомпозиция Брауна (Brown et al., 1980, Wei, Lu, 2007; Meng, Zhang, 2001; Neuman, Silber, 1996).

Российские исследования по дифференциации трудовых доходов между иммигрантами и местными работниками весьма ограничены. Так, Андриенко и Гуриев (Andrienko, Guriev, 2006) указывают, что профессиональная структура иммигрантов в России смещена в сторону низкоквалифицированных работников с низким уровнем трудовых доходов.

Согласно выборочным опросам Центра миграционных исследований различия в среднемесячном уровне трудовых доходов россиян и мигрантов составляют 10–15%, а в период кризиса возрастают до 21% (Зайончковская, Тюрюканова, 2010). В среднем размер средней часовой оплаты труда у мигрантов на 42% ниже, чем у российских работников.

В исследовании Григорьевой и Мукомель (2014) выявлено, что мигранты получают значительно меньше россиян, занятых на аналогичных трудовых позициях. Авторы приходят к выводу, что мигранты и россияне не конкурируют на российском рынке труда, поскольку занимают различные по качеству трудовые места.

С использованием данных по миграционным квотам было установлено, что иностранные работники в России зарабатывают меньше, чем местные работники (Commander, Denisova, 2012). В 2009–2013 гг. средний уровень трудовых доходов российских работников (с такой же производительностью, как у мигрантов) превышал средний уровень трудовых доходов мигрантов на 40%. При этом наибольший вклад в объяснение дискриминационного разрыва вносили секторы экономики (виды экономической деятельности), в которых заняты работники (Вакуленко, Леухин, 2016).

Согласно другим исследованиям заработная плата иммигрантов из Таджикистана гораздо ниже по сравнению с заработной платой местных работников. В 2007 г. разрыв в заработных платах по наблюдаемым характеристикам двух групп составил 37%, а в 2009 г. — 45% (Локшин, Чернина, 2013).

Отставание этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым от местного населения по уровню трудовых доходов составило в 2004–2012 гг. в среднем 15% и достигло максимально высокого уровня (20.58%) в период экономического спада 2008–2009 гг. (Смирных, Полякова, 2015). Большая часть этого отставания происходила по причине влияния ненаблюдаемых факторов, а не за счет различий в социально-демографических характеристиках между иммигрантами и местными работниками.

Этнически русские иммигранты имеют особое положение на российском рынке труда. Их присутствие на российском рынке труда негативно влияет на занятость, но не снижает уровень заработных плат местных работников (Lazareva, 2015).

Наличие перечисленных исследований отчасти проливает свет на дифференциацию трудовых доходов между иммигрантами и местной рабочей силой, но не позволяет ответить на вопрос о значении для нее этничности иммигрантов. Вместе с тем, знания об отличиях в дифференциации трудовых доходов между местными работниками и этнически русскими и нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым имеют значение для понимания функционирования российского рынка труда. В частности, они указывают на возможности адаптации, ассимиляции и интеграции различных этнических групп на российском рынке труда.

3. Данные

Для выполнения исследования были использованы данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2004–2012 гг. Анализ проводился для мужчин в возрасте от 16 до 60 лет и женщин от 16 до 55 лет, которые удовлетворяли хотя бы одному из следующих условий: имели постоянную работу; выполняли какую-либо оплачиваемую работу за последние 30 дней; находились в оплачиваемом отпуске (кроме отпуска по уходу за ребенком); пребывали в неоплачиваемом отпуске. Размер выборки составил 27 272 наблюдения, учитывая все пропущенные значения.

Для оценки средней продолжительности пребывания индивидов на рынке труда был использован вопрос анкеты: «С какого года Вы проживаете в России?», который доступен в данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2009–2012 гг. На его основе была сформирована подвыборка для 2009–2012 гг., в которую вошли 12 634 наблюдения, с учетом пропущенных значений.

Респонденты, которые относились к категории занятых, но родились не в России, были определены как индивиды с иммиграционным прошлым⁴. Они включали всех индивидов, которые родились за пределами РФ в какой-либо республике бывшего Советского Союза; переехали и проживали на территории России либо до, либо после 1991 г. (после распада СССР); являлись этнически русскими или этнически нерусскими (табл. 1).

⁴ Это определение отчасти соответствует термину «foreign-born individuals», которое используется в международной статистике (OECD, 2013). Foreign-born individuals насчитывали 117 млн человек в 2013 г. в странах ОЭСР (OECD, 2015) и составляли не менее 10% от населения большинства европейских стран (OECD, 2011). Среди занятых работников в странах ОЭСР численность foreign-born individuals равна в среднем 14% (OECD, 2015). Больше всего их в Люксембурге (53%), Швейцарии (30%), а также в Австралии (29%). Доля foreign-born individuals выше среднего уровня стран ОЭСР насчитывается в США (18%), Великобритании (16%), Германии (15%). Ниже среднего по ОЭСР уровня — в Италии (13%), Франции (11%), Голландии (11%), а также в Португалии (10%), Финляндии (5%), Венгрии (2%).

Таблица 1. Определение индивидов с иммиграционным прошлым, 2004–2012 гг.
(в скобках — число наблюдений)

Вопросы анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ	«Кем Вы себя считаете по национальности? Я имею в виду не обязательно ту национальность, которая указана в Вашем паспорте»	
«Скажите, пожалуйста, в какой республике бывшего СССР Вы родились?»	Нерусский	Русский
Родились в России	10.61% (2893)	70.55% (19 242)
Родились не в России (индивиды с иммиграционным прошлым)	18.84% (5137)	
	4.94% (1347)	13.90% (3790)

Численность индивидов с иммиграционным прошлым в выборке 2004–2012 гг. составила 18.84% (5137 наблюдений). При этом в выборке 13.90% являлись этнически русскими, а 4.94% этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым. Численность местных работников (этнически русских и этнически нерусских) в выборке насчитывала 81.16% (22 135 наблюдений).

В подвыборке 2009–2012 гг. численность индивидов с иммиграционным прошлым была равна 15.28% (1930 наблюдений). Для этой подвыборки численность этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым составила 11.20%, а 4.08% являлись этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым. Численность местных работников в этой подвыборке составила 84.72% (10 704 наблюдения).

Средняя продолжительность пребывания индивидов с иммиграционным прошлым на российском рынке труда — 27.5 лет. Этнически русские индивиды находятся на нем дольше (29.1) по сравнению с этнически нерусскими индивидами (23.3). Доля индивидов с иммиграционным прошлым, которые проживают в России более 25 лет, составляет более половины (56.7%) от их общей численности. Учитывая длительность пребывания индивидов с иммиграционным прошлым на российском рынке труда, можно заключить, что среди них преобладают лица с российским гражданством. Пребывают более 25 лет на российском рынке труда среди этнически русских почти 62%, а среди этнически нерусских — только 43% индивидов. При этом численность индивидов, которые находятся в России менее 10 лет, среди этнически русских в два раза меньше (7.6%), чем среди этнически нерусских индивидов (16.6%).

Описание переменных

Основная зависимая переменная — трудовой доход — включает в себя не только заработную плату, но и другие денежные выплаты (премии, бонусы, компенсации, материальную помощь и др.), которые получали работники после вычета налогов.

Для расчетов использовался логарифм уровня реального часового трудового дохода. Для этого уровни месячных трудовых доходов были разделены на количество часов работы в месяц и приведены к ценам 2004 г.

В качестве контрольных использовались следующие переменные: три уровня образования (общее среднее, профессиональное и высшее), возраст и квадрат возраста, стаж работы на одном предприятии, семейный статус (1 — состоит в браке), наличие детей (1 — есть ребенок), секторы экономики.

Секторы экономики (виды деятельности)⁵ представлены укрупненно, по примеру других исследователей (Meng, Zhang, 2001; Argand, 2004). К первой группе (реальный сектор) были отнесены промышленность и строительство. Вторая группа (сервисный сектор) объединила транспорт и связь, торговлю и бытовое обслуживание, финансы, жилищно-коммунальное хозяйство. Третья группа (общественный сектор) включает науку и культуру, а также здравоохранение.

4. Основные описательные статистики

По основным социально-демографическим характеристикам индивиды с иммиграционным прошлым мало отличаются от местных работников (табл. 2). При этом местные работники по социально-демографическим характеристикам больше схожи с этнически русскими индивидами и гораздо меньше с этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым.

Таблица 2. Описательная статистика основных переменных

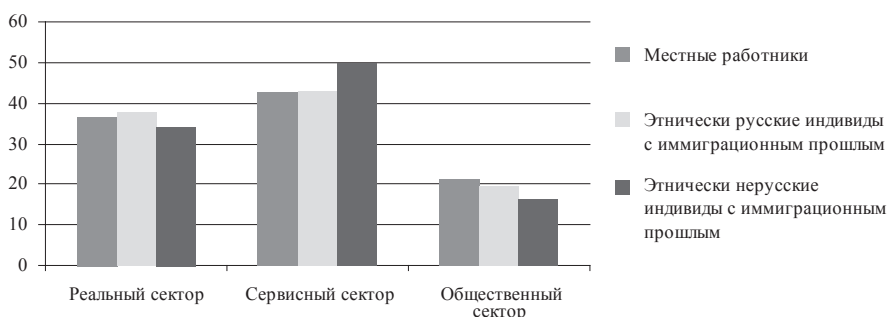
Название переменных	Среднее значение, в скобках — стандартное отклонение				
	Всего	Местные работники	Индивиды с иммиграционным прошлым		
			Всего	Этнически русские	Этнически нерусские
Уровень месячного трудового дохода, рубли	9612.89 (4502.85)	9619.60 (4500.24)	9538.97 (4514.40)	9887.73 (4658.85)	8729.27 (3959.05)
Количество часов работы в месяц	175.30 (44.35)	174.92 (44.20)	176.94 (44.94)	175.46 (43.69)	181.07 (48.07)
Уровень образования:					
общее среднее и ниже	0.07 (0.25)	0.07 (0.25)	0.08 (0.26)	0.07 (0.25)	0.11 (0.31)
среднее профессиональное	0.64 (0.47)	0.64 (0.47)	0.64 (0.48)	0.64 (0.48)	0.62 (0.48)
высшее	0.29 (0.45)	0.29 (0.45)	0.28 (0.45)	0.29 (0.45)	0.27 (0.44)
Стаж работы на одном предприятии, лет	6.57 (7.93)	6.69 (8.04)	6.04 (7.40)	6.06 (7.45)	5.98 (7.28)
Возраст, лет	37.82 (10.79)	37.91 (10.79)	37.44 (10.79)	37.07 (10.63)	38.48 (11.16)
Семейный статус: 1 — в браке	0.86 (0.34)	0.86 (0.34)	0.86 (0.33)	0.87 (0.33)	0.86 (0.34)
Наличие детей: 1 — есть ребенок	0.74 (0.43)	0.75 (0.43)	0.73 (0.43)	0.73 (0.44)	0.76 (0.42)
Число наблюдений	27 272	22 135	5137	3790	1347

⁵ За исключением таких видов деятельности, как «сельское хозяйство», «армия, МВД, органы безопасности», «органы управления», а также отнесенных к категории «другое».

Этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым и местные работники практически одинаково распределены по секторам экономики (рис. 1). Вместе с тем, этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым работают большее количество часов (на 0.5 часа) и зарабатывают в месяц в среднем больше (на 268 руб.) по сравнению с местными работниками (табл. 2). А их средний стаж на одном предприятии меньше, чем у местных работников (на 0.63 года).

Однако распределение этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым по секторам экономики отличается от распределения местных работников. Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым чаще заняты в сервисном секторе и реже в общественном секторе по сравнению с местными работниками и этнически русскими индивидами с иммиграционным прошлым (рис. 1). Это соответствует тем тенденциям, которые имеют место в европейских странах (OECD, 2015). В частности, индивиды с иммиграционным прошлым заняты, как правило, в секторах экономики, максимально подверженных циклическим колебаниям (например строительство), и с гибкими формами занятости (сфера услуг) (OECD, 2015).

Рис. 1. Распределение работников по секторам экономики, %

Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым работают в месяц в среднем больше (на 6.15 часа), чем местные работники, но их среднемесячный трудовой доход (8729.27 руб.) ниже по сравнению со среднемесячным трудовым доходом (9619.60 руб.) местных работников (табл. 2). Кроме того, между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками есть различия по уровню образования. Среди местных работников больше доля лиц с высшим образованием (29%), чем среди этнически нерусских индивидов (27%). А число лиц с уровнем общего среднего образования, наоборот, меньше среди местных работников (7%), чем среди этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым (11%). Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым реже (74%) проживают в городах, чем местные работники (79%).

5. Эконометрическая модель

Разложение Блайндера–Оаксаки (Blinder, 1973; Оакаса, 1973) является классическим методом декомпозиции, используемым во многих работах для оценки дифференциации трудовых доходов между отдельными группами индивидов (Aldashev et al., 2012; Hofer et al., 2014;

Montoya, Giordano, 2012; Cabral, Duarte, 2013; Вакуленко, Леухин, 2016). Его основу составляет оценка уравнения заработной платы для каждой анализируемой группы (Mincer, 1974):

$$\ln(w) = Z \cdot \beta + S \cdot \delta + e, \quad (1)$$

где $\ln(w)$ — вектор логарифма заработных плат, Z — матрица социально-демографических характеристик индивидов (возраст, квадрат возраста, уровень образования, стаж работы на одном предприятии, семейный статус) (Jann, 2008; Brodmann, Polavieja, 2007), S — фиктивная переменная, характеризующая сектор экономики, e — стандартная ошибка.

В данной работе используется метод двухсоставной декомпозиции Блайндера–Оаксаки для оценивания уравнения следующего вида:

$$Gap_{earnings} = [E(X_r) - E(X_m)]' \beta^* + [E(X_r)'(\beta_r - \beta^*) + E(X_m)'(\beta^* - \beta_m)], \quad (2)$$

где $Gap_{earnings}$ — дифференциация трудовых доходов между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым, r — местные работники, m — индивиды с иммиграционным прошлым, X — матрица социально-демографических характеристик респондента и сектора экономики, β — коэффициенты регрессий, β^* — вектор наблюдаемых переменных, отражающий вклад наблюдаемых характеристик в дифференциацию трудовых доходов.

Первое слагаемое $[E(X_r) - E(X_m)]' \beta^*$ в правой части уравнения (2) характеризует размер объяснимой дифференциации трудовых доходов между местными работниками и этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым.

Второе слагаемое $[E(X_r)'(\beta_r - \beta^*) + E(X_m)'(\beta^* - \beta_m)]$ характеризует необъяснимую дифференциацию трудовых доходов. Она складывается под влиянием ненаблюдаемых факторов и часто трактуется как эффект дискриминации. Однако это не вполне верно, поскольку помимо дискриминации она может формироваться за счет разницы в способностях индивидов и (или) за счет их самоотбора.

С использованием декомпозиции Блайндера–Оаксаки оценивается вклад наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов в дифференциацию трудовых доходов между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым. Кроме того, определяется, какова будет дифференциация трудовых доходов при сложившемся распределении респондентов двух групп по секторам экономики. Исходя из этого, объясняемый и необъясняемый компоненты декомпозиции Блайндера–Оаксаки делятся на две части, показывающие:

- внутрисекторные различия, которые связаны с влиянием наблюдаемых и ненаблюдаемых социально-демографических характеристик индивидов;
- межсекторные различия, которые обусловлены влиянием наблюдаемого и ненаблюдаемого распределения индивидов по секторам экономики.

Применение такого метода разложения актуально в контексте результатов, полученных другими исследователями на российских данных. Они показывают, что занятость в определенных секторах экономики (отраслях) имеет существенное влияние на дифференциацию заработных плат между местными работниками и трудовыми мигрантами (Вакуленко, Леухин, 2016). В настоящем исследовании значимость распределения по секторам экономики для дифференциации трудовых доходов рассматривается в отношении этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым по сравнению с местными работниками.

Однако декомпозиция Блайндера–Оаксаки учитывает только фактически сложившееся распределение работников по секторам экономики, но не позволяет контролировать, происходит ли распределение по секторам экономики со стороны этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым добровольно или вынужденно. При вынужденных условиях индивиды с иммиграционным прошлым могут не иметь доступа к некоторым рабочим местам в отдельных секторах экономики (Meng, Zhang, 2001; Wei, Lu, 2007). И, наоборот, при добровольных условиях они могут самоотбираться на рабочие места в определенные секторы экономики (Catanzarite, 2000; Waldinger, Bailey, 1991).

Для оценки дифференциации трудовых доходов между двумя группами при равномерном распределении работников по секторам экономики использовалась двухшаговая декомпозиция Брауна (Brown et al., 1980), согласно которой сначала проводится расчет модели выбора сектора экономики со стороны местных работников (мультиномиальная логит-регрессия):

$$p_{nj}^r = \Pr(\gamma_n^r = j) = \exp(Z_n^r \gamma_j^r) / \sum_{j=1}^J \exp(Z_n^r \gamma_j^r), \quad (3)$$

где r — местные работники, p_{nj}^r — вероятность того, что индивид n занят в секторе j , N — размер выборки, J — число секторов экономики, $n = 1, \dots, N$ и $j = 1, \dots, J$, Z — вектор социально-демографических характеристик респондентов, γ — коэффициенты контрольных переменных.

На основе результатов мультиномиальной логит-регрессии было получено «предсказанное распределение» индивидов с иммиграционным прошлым по секторам экономики, которое соответствует распределению по секторам экономики местных работников. С его использованием для индивидов с иммиграционным прошлым были рассчитаны обратные соотношения Миллса (λ). Затем они были добавлены в оценочные уравнения трудовых доходов для индивидов с иммиграционным прошлым:

$$\ln(w) = Z \cdot \beta + S \cdot \delta + \alpha \cdot \lambda + e, \quad (4)$$

где X — матрица социально-демографических характеристик индивидов (возраст, квадрат возраста, уровень образования, стаж работы на одном предприятии, семейный статус), S — фиктивная переменная сектора экономики, λ — обратное соотношение Миллса, e — стандартная ошибка.

Разложение дифференциации трудовых доходов осуществлялось на основании следующего уравнения:

$$\begin{aligned} \overline{\ln w^r} - \overline{\ln w^m} &= \sum_{j=1}^J p_j^m \hat{\beta}_j^r (\overline{X_j^r} - \overline{X_j^m}) + \sum_{j=1}^J p_j^m \overline{X_j^m} (\hat{\beta}_j^r - \hat{\beta}_j^m) + \\ &+ \sum_{j=1}^J \overline{\ln w^r} (p_j^r - \hat{p}_j^m) + \sum_{j=1}^J \overline{\ln w^r} (\hat{p}_j^m - p_j^m). \end{aligned} \quad (5)$$

Первая сумма в уравнении (5) — дифференциация трудовых доходов по причине различий в наблюдаемых социально-демографических характеристиках индивидов, занятых внутри одного сектора экономики; третья сумма — межсекторная дифференциация трудовых доходов из-за наблюдаемых различий между секторами экономики.

Вторая сумма в (5) характеризует дифференциацию трудовых доходов по причине ненаблюдаемой разнородности в социально-демографических характеристиках между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым внутри одного сектора экономики. А четвертая сумма описывает дифференциацию трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками, которые заняты в одних и тех же секторах экономики, по причине ненаблюдаемой разнородности. Такими причинами могут быть как дискриминация индивидов с иммиграционным прошлым (например, ограничение доступа к рабочим местам в отдельных секторах экономики), так и их самоотбор (например, выбор мест работы, в которых традиционно заняты члены общины индивидов с иммиграционным прошлым).

6. Анализ результатов

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что в России этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым зарабатывают в среднем на 2% больше, а этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым в среднем на 13% меньше, чем местные работники (табл. 3).

Таблица 3. Дифференциация трудовых доходов этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым и местных работников (с использованием декомпозиций Блайндера–Оаксаки и Брауна)

Логарифм трудовых доходов	Декомпозиция Блайндера–Оаксаки		Декомпозиция Брауна	
	Коэффициент	%	Коэффициент	%
<i>Этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым</i>				
Общая разность	-0.0208**	100	0.1138	100
Объяснимая часть	-0.0005	-2.40	-0.0003	-0.26
Внутрисекторная разность	-0.0003	-1.44	-0.0001	-0.09
Межсекторная разность	-0.0002	-0.96	-0.0002	-0.17
Необъяснимая часть	-0.0203**	-97.60	0.1141	100.26
Внутрисекторная разность	0.0075	36.06	-0.1890	-166.08
Межсекторная разность	-0.0172	-82.70	-0.0184	-16.17*
Константа	-0.0106	-50.96	0.3215	282.51*
<i>Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым</i>				
Общая разность	0.1303***	100	0.2752*	100
Объяснимая часть	0.0058**	4.45	0.0061**	2.21
Внутрисекторная разность	0.0055*	4.22	0.0058*	2.11
Межсекторная разность	0.0003	0.23	0.0003	0.10
Необъяснимая часть	0.1245***	95.55	0.2691*	97.79
Внутрисекторная разность	0.1069	82.04	-0.5895**	-214.20
Межсекторная разность	0.0330	25.32	0.0352*	12.79
Константа	-0.0154	-11.81	0.8234**	299.20

Примечание. *, **, *** — значимость на уровне 10, 5 и 1% соответственно.

Вместе с тем, дифференциация трудовых доходов между этнически русскими иммигрантами и местными работниками формируется за счет влияния ненаблюдаемых факторов. Их вклад является положительным, поскольку сокращает дифференциацию трудовых доходов между этнически русскими иммигрантами и местными работниками. С одной стороны, это может означать, что ненаблюдаемые характеристики (способности) двух групп являются схожими и способствуют сокращению между ними дифференциации трудовых доходов. С другой стороны, это может свидетельствовать о том, что отдачи на отдельные ненаблюдаемые характеристики у двух групп различаются, и у этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым отдача на одни и те же ненаблюдаемые характеристики выше, чем у местных работников. Такими ненаблюдаемыми характеристиками могут быть коммуникационные способности или социальные сети, которые поддерживают этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым.

Отличительные результаты наблюдаются по этнически нерусским индивидам с иммиграционным прошлым. Дифференциация трудовых доходов между ними и местными работниками объясняется на 4.45% различиями в наблюдаемых и на 95.55% различиями в ненаблюдаемых характеристиках (табл. 3).

Согласно результатам декомпозиции, выполненной по методу Блайндера–Оаксаки (табл. 3), фактически сложившееся распределение по секторам экономики не оказывает статистически значимого влияния на дифференциацию трудовых доходов между этнически русскими/нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками.

Однако результаты декомпозиции по методу Брауна, при которой работники двух групп (местные и этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым) одинаково распределены по секторам экономики, свидетельствуют об ином. Они показывают, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым получали бы в среднем на 27% меньше, если бы были заняты в тех же секторах экономики, что и местные работники (табл. 3). Таким образом, одинаковое распределение этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым и местных работников по секторам экономики привело бы к увеличению дифференциации трудовых доходов между ними с 13 до 27% (табл. 3).

При этом дифференциация трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками формировалась за счет различного вклада наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов. Вклад наблюдаемых факторов (различий в социально-демографических характеристиках и между секторами экономики) в дифференциацию трудовых доходов, рассчитанный по методу Брауна, составил 2.21%. Он оказался ниже, чем его величина, рассчитанная по методу декомпозиции Блайндера–Оаксаки (4.45%). Это означает, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым и местные работники, которые заняты в одних и тех же секторах экономики, мало отличаются друг от друга по наблюдаемым социально-демографическим характеристикам. Кроме того, одинаковое распределение индивидов в двух группах по секторам экономики приводит к нулевому вкладу наблюдаемых различий между секторами в дифференциации трудовых доходов. В итоге объяснимая часть дифференциации трудовых доходов между двумя группами, занятыми в одном и том же секторе экономики, полностью формируется за счет их различий в социально-демографических характеристиках.

Вклад необъяснимых факторов в дифференциацию трудовых доходов с использованием декомпозиции Брауна составил 97.79%. Он оказался выше, чем его величина при расчетах по методу Блайндера–Оаксаки (95.55%). Это говорит о том, что ненаблюдаемые факторы

влияния, которые связаны с межсекторными и внутрисекторными различиями между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками, становятся более значимыми в случае одинакового распределения индивидов двух групп по секторам экономики. Такими ненаблюдаемыми факторами влияния могут являться различия в ненаблюдаемых характеристиках индивидов (например в способностях) и (или) дискриминация.

За счет ненаблюдаемых различий в социально-демографических характеристиках между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками, которые заняты в одном и том же секторе экономики, происходит сокращение дифференциации трудовых доходов между двумя группами (-214.20% ⁶). Это может означать, что в одном и том же секторе экономики у работодателей нет предубеждений в отношении этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым, которые во многом схожи по своим социально-демографическим характеристикам с местными работниками.

Однако влияние межсекторных ненаблюдаемых различий между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками, наоборот, увеличивает размер дифференциации трудовых доходов между ними. Эти различия увеличивают дифференциацию трудовых доходов между двумя группами (12.79%). Таким образом, отдача в виде трудового дохода от работы в одних и тех же секторах экономики у этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым существенно отличается от отдачи у местных работников. У местных работников отдача от занятости в секторах экономики, в которых они чаще всего представлены, значительно выше, чем у этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым. Это может быть, например, следствием дискриминации, при которой этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым будут «облагаться штрафом» в виде понижения уровня трудового дохода, если они будут заняты в секторах экономики вместе с местными работниками.

Иными словами, если этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым будут распределены по секторам экономики так же, как и местные работники, то их трудовые доходы будут ниже, по сравнению с ситуацией, когда этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым заняты в тех секторах экономики, в которых мало заняты местные работники. Занятость этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым в секторах экономики, в которых трудятся преимущественно местные работники, ведет к уменьшению их трудовых доходов и, следовательно, к увеличению дифференциации с трудовыми доходами местных работников. Можно предположить, что, учитывая это обстоятельство, этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым выбирают для себя рабочие места в тех секторах экономики, в которых на них существует спрос и, как следствие, их работа оплачивается выше.

Подводя итог, можно сделать несколько выводов. Первый вывод состоит в том, что на российском рынке труда этничность индивидов влияет на уровень их трудовых доходов. Этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым проигрывают по уровню трудовых доходов не только местным работникам, но и этнически русским индивидам с иммиграционным прошлым.

Среди этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым есть те, которые относительно длительное время находятся на российском рынке труда и имеют граждан-

⁶ Результаты представлены с учетом значений константы в уравнении декомпозиции.

ство России. Однако длительное пребывание этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым на российском рынке труда не сближает их по уровню трудовых доходов с местными работниками. Это свидетельствует о том, что они с течением времени слабо ассимилируют с местной рабочей силой.

Второй вывод заключается в том, большая часть в дифференциации трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками объясняется не их различиями в наблюдаемых характеристиках, а влиянием ненаблюдаемых факторов. При этом значительный вклад (12.79%) в дифференциацию трудовых доходов со стороны ненаблюдаемых факторов вносит межсекторная дифференциация. При одинаковом распределении по секторам экономики трудовые доходы этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым становятся ниже трудовых доходов местных работников на 27%. А фактически сложившееся, различающееся для двух групп распределение по секторам экономики сокращает дифференциацию их трудовых доходов до уровня 13%.

Таким образом, если этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым займут рабочие места в тех секторах экономики, в которых трудятся преимущественно местные работники, то они будут «оштрафованы» и их трудовые доходы упадут и будут еще ниже, чем у местных работников. Однако если этнически нерусские индивиды выберут рабочие места в секторах экономики, в которых почти не заняты местные работники, то дифференциация заработных плат между ними и местными работниками сократится в два раза.

7. Заключение

Предмет исследования данной работы заключался в проверке гипотезы о неравенстве трудовых доходов между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым. Предполагалось, что различия в этничности индивидов с иммиграционным прошлым будут оказывать влияние на размеры дифференциации их трудовых доходов по сравнению с трудовыми доходами местных работников. Кроме того, проверялась гипотеза о влиянии распределения по секторам экономики на дифференциацию трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками. Анализ проводился на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (2004–2012 гг.) с использованием методов декомпозиции Блайндера–Оаксаки и Брауна. В ходе расчетов оценивалось влияние наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов, а также распределения по секторам экономики на дифференциацию трудовых доходов между индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками.

Результаты анализа показали, что трудовые доходы этнически русских индивидов с иммиграционным прошлым на 2% выше трудовых доходов местных работников. А по наблюдаемым социально-демографическим характеристикам и распределению по секторам экономики этнически русские индивиды с иммиграционным прошлым схожи с местными работниками.

При этом трудовые доходы этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым на 13% ниже трудовых доходов местных работников. Эти две группы индивидов различаются по своим социально-демографическим характеристикам и распределению по секторам экономики. Выявлено, что только 4.45% дифференциации в трудовых доходах между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками

объясняется различиями в их наблюдаемых характеристиках, а на различия в ненаблюдаемых характеристиках приходится 95.55%.

Была подтверждена гипотеза о влиянии распределения по секторам экономики на дифференциацию трудовых доходов между местными работниками и этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым. Если бы этнически нерусские индивиды были заняты в тех же секторах экономики, что и местные работники, то дифференциация трудовых доходов между ними увеличилась бы с 13% до 27%. При этом в значительной мере она складывалась бы за счет необъяснимой межсекторной разницы (12.79%). Ее причинами могут быть различия в способностях, приводящие к разной отдаче по трудовому доходу у двух групп, а также дискриминация этнически нерусских индивидов с иммиграционным прошлым.

Подводя итог, можно констатировать, что на российском рынке труда большая часть дифференциации трудовых доходов между этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым и местными работниками объясняется не их различиями в социально-демографических характеристиках, а ненаблюдаемыми различиями между двумя группами. Эти ненаблюдаемые различия, приводящие к неравенству трудовых доходов двух групп, свидетельствуют, с одной стороны, о том, что на российском рынке труда этничность индивидов имеет значение для уровня трудовых доходов. С другой стороны, они говорят о том, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым, пребывая длительное время на российском рынке труда, проигрывают по уровню трудовых доходов не только местным работникам, но и этнически русским индивидам с иммиграционным прошлым. Уровень дифференциации трудовых доходов между местными работниками и этнически нерусскими индивидами с иммиграционным прошлым значительно возрастает, если они имеют одинаковое распределение по секторам экономики. Все вместе это указывает на то, что этнически нерусские индивиды с иммиграционным прошлым относительно плохо ассимилируют на российском рынке труда с местными работниками. Они предпочитают быть занятыми в тех секторах, в которых не заняты местные работники, а также там, где уровень дискриминации ниже.

Результаты, полученные в рамках данного исследования, являются первыми на российских данных. Они могут использоваться для разработки политики на российском рынке труда и занятости

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках проекта Лаборатории исследований рынка труда, включенного в Программу фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014–2015 гг.

Список литературы

Вакуленко Е., Леухин Р. (2016). Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? *Экономическая политика*, 11 (1), 121–142.

Григорьева К., Мукомель В. (2014). Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата. В кн.: *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика* / Отв. ред. В. И. Мукомель. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 82–99.

Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. (2010). *Миграция и демографический кризис в России*. М.: МАКС Пресс.

Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. Захаров С. В. (2015). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Ионцев В., Ивахнюк И. (2012). Роль международной трудовой миграции для экономического развития России. *Аналитический доклад по проекту, CARIM — East RR2012/28*. San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-2012-RU-28.pdf>.

Локшин М., Чернина Е. (2013). Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата. *Экономический журнал Высшей школы экономики*, 17 (1), 41–74.

Смирных Л., Полякова Е. (2015). Дифференциация трудовых доходов между внешними иммигрантами и местными работниками на российском рынке труда. *Уровень жизни населения регионов России*, 3, 65–74.

Aldashev A., Gernand, J., Thomsen S. (2012). The immigrant-native wage gap in Germany. *Journal of Economics and Statistics*, 232 (5), 490–517.

Andrienko Y., Guriev S. (2005). Understanding migration in Russia: A policy note. Center for Economic and Financial Research at New Economic School. *CEFIR Policy Paper series*, 23.

Arcand J. (2004). Racial discrimination in the Brazilian labour market: Wage, employment and segregation. *Journal of International Development*, 16 (8), 1053–1066.

Bartolucci C. (2010). Understanding the native-immigrant wage gap using matched employer–employee data: Evidence from Germany. *Carlo Alberto Notebooks*, 150. <http://www.carloalberto.org/assets/working-papers/no.150.pdf>.

Bauer T., Epstein G., Gang I. (2005). Enclaves, language, and the location choice of migrant. *Journal of Population Economics*, 18 (4), 649–662.

Behtoui A. (2004). Unequal opportunities for young people with immigrant backgrounds in the Swedish labour market. *Labour*, 18, 633–660.

Blinder A. (1973). Wage discrimination: Reduced form and structural estimates. *Journal of Human Resources*, 8, 436–455.

Bratsberg B., Barth E., Raaum O. (2006). Local unemployment and the relative wages of immigrants: Evidence from the current population surveys. *The Review of Economics and Statistics*, 88 (2), 243–263.

Brodmann S., Polavieja J. (2007). Immigrants in Denmark: An analysis of access to employment, class attainment and earning in a high-skilled economy. *Demosoc Working Paper*, 21. Barcelona: Department of Political and Social Studies, Pompeu Fabra University.

Brown R., Moon M., Zoloth B. (1980). Incorporating occupational attainment in studies of male–female earnings differentials. *Journal of Human Resources*, 15 (1), 3–28.

Cabral S., Duarte C. (2013). Mind the gap! The relative wages of immigrants in the Portuguese labour market. *Working Paper 05–2013*, Banco de Portugal.

Catanzarite L. (2000). Brown-collar jobs: Occupational segregation and earnings of recent-immigrant Latinos. *Sociological Perspectives*, 43, 45–75.

Commander S., Denisova I. (2012). Are skills a constraint on firms? New evidence from Russia. *IZA Discussion paper*, 7041.

Farer T. (1995). How the international system copes with involuntary migration: Norms, institutions and state practice. *Human Rights Quarterly*, 17 (1), 72–100.

Fontaine F. (2008). Why are similar workers paid differently? The role of social networks. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 32, 3960–3977.

Glitz A. (2014). Ethnic segregation in Germany. *Labour Economics*, 29, 28–40.

Hanson G. (2005). Why does immigration divide America? *Public finance and political opposition to open borders*. Washington, Institute for International Economics. https://gps.ucsd.edu/_files/faculty/hanson/hanson_publication_immigration_divide.pdf.

Hansen J., Wahlberg R., Faisal S. (2010). Wages and immigrant occupational composition in Sweden. *IZA Discussion Papers*, 4823.

Hofer H., Titelbach G., Winter-Ebmer R. (2014). Wage discrimination against immigrants in Austria? *University of Linz Working Paper*, 1406.

Islam A., Parasnis J. (2014). Immigrant-native wage inequality across occupational sectors in Australia. *Monash Economics Working Papers*, 14 (4).

Jann B. (2008). A Stata implementation of the Blinder–Oaxaca decomposition. *ETH Zurich Sociology Working Paper 5*, ETH Zurich.

Lazareva O. (2015). Russian migrants to Russia: Assimilation and local labor market effects. *IZA Journal of Migration*, 4:20.

Lazear E. P. (1999). Culture and language. *Journal of Political Economy*, 107 (6), 95–126.

Lehmer F., Ludsteck J. (2011). The immigrant wage gap in Germany are East Europeans worse off? *International Migration Review*, 45 (4), 872–906.

Meng X., Zhang J. (2001). The two-tier labor market in urban China: Occupational segregation and wage differentials between urban residents and rural migrants in Shanghai. *Journal of Comparative Economics*, 29, 485–504.

Mincer J. (1974). *Schooling, experience and earnings*. New York. National Bureau of Economic Research.

Montoya S., Giordano V. (2012). Immigrants wage gap in the great Buenos Aires labor market: How important are differences in human capital? *Escuela de Economía Francisco Valsecchi*, 36.

Neuman S., Silber J. (1996). Wage discrimination across ethnic groups: Evidence from Israel. *Economic Inquiry*, 34, 648–661.

Oaxaca R. (1973). Male–female wage differentials in urban labor markets. *International Economic Review*, 14, 693–709.

OECD (2011). *International migration outlook 2011*. OECD Publishing, Paris.

OECD (2013). *International migration outlook 2013*. OECD Publishing, Paris.

OECD (2015). *International migration outlook 2015*. OECD Publishing, Paris.

Waldinger R., Bailey T. (1991). The continuing significance of race: Racial conflict and racial discrimination in construction. *Politics and Society*, 19, 291–323.

Wei X., Lu R. (2007). Labor market segregation and the wage differential between resident and migrant workers in China. http://www.aiel.it/Old/bacheca/NAPOLI/C/WEI_LU.pdf.

Wright R., Ellis M. (2000). The ethnic and gender division of labor compared among immigrants to Los Angeles. *International Journal of Urban and Regional Research*, 24 (3), 583–600.

Zorlu A. (2013). Occupational adjustment of immigrants in the Netherlands. *Journal of International Migration and Integration*, 14 (4), 711–731.

Поступила в редакцию 30.05.2016;
принята в печать 05.09.2016.

Polyakova E., Smirnykh L. The earning differential between natives and individuals with immigrant background in Russia: The role of ethnicity. *Applied Econometrics*, 2016, v. 43, pp. 52–72.

Evgeniya Polyakova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation;
epolyakova@hse.ru

Larisa Smirnykh

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation;
lsmirnykh@hse.ru

The earning differential between natives and individuals with immigrant background in Russia: The role of ethnicity

In this paper we analyze the role of ethnicity in the earning differential between individuals with immigrant background and native workers in Russia using nationally representative data of Russian longitudinal monitoring survey from 2004–2012. The results show that not ethnically Russian individuals with immigrant background in average earn less than native workers and ethnically Russian individuals with immigration background.

Keywords: immigrant background; sectoral segregation; earning differential; labor demand; Russia.

JEL classification: J61; J15; J21; J31; J23.

References

- Vakulenko E., Leukhin R. (2016). Wage discrimination against foreign workers in Russia. *Economic Policy*, 11 (1), 121–142 (in Russian).
- Grigor'eva K., Mukomel' V. (2014). Migranty i rossijane na rynke truda: uslovija, rezhim truda, zarobotnaja plata. In: *Migranty, migrantofobii i migracionnaja politika*, otv. red. V. I. Mukomel'. M.: Moskovskoe bjuro po pravam cheloveka, Academia, 82–99 (in Russian).
- Zajonchkovskaja Zh., Tjurjukanova E. (2010). *Migracija i demograficeskij krizis v Rossii*. M.: MAKS Press (in Russian).
- Naselenie Rossii 2013: dvadcat' pervyj ezhegodnyj demograficeskij doklad. / Otv. red. Zaharov S. V. (2015). NRU HSE, Moscow (in Russian).
- Ioncev V., Ivahnjuk I. (2012). Rol' mezhdunarodnoj trudovoj migracii dlja jekonomicheskogo razvitija Rossii. *Analiticeskij doklad po proektu, CARIM* — East RR2012/28. San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute. <http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-2012-RU-28.pdf> (in Russian).
- Lokshin M., Chernina E. (2013). Migrants on the Russian labor market: Profile and earnings. *The HSE Economic Journal*, 17 (1), 41–74 (in Russian).
- Smirnykh L., Polyakova E. (2015). Differenciacija trudovyh dohodov mezhdu vneshnimi immigrantami i mestnymi rabotnikami na rossijskom rynke truda. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii*, 3, 65–74 (in Russian).
- Aldashev A., Gernand, J., Thomsen S. (2012). The immigrant-native wage gap in Germany. *Journal of Economics and Statistics*, 232 (5), 490–517.

Andrienko Y., Guriev S. (2005). Understanding migration in Russia: A policy note. Center for Economic and Financial Research at New Economic School. *CEFIR Policy Paper series*, 23.

Arcand J. (2004). Racial discrimination in the Brazilian labour market: Wage, employment and segregation. *Journal of International Development*, 16 (8), 1053–1066.

Bartolucci C. (2010). Understanding the native-immigrant wage gap using matched employer–employee data: Evidence from Germany. *Carlo Alberto Notebooks*, 150. <http://www.carloalberto.org/assets/working-papers/no.150.pdf>.

Bauer T., Epstein G., Gang I. (2005). Enclaves, language, and the location choice of migrant. *Journal of Population Economics*, 18 (4), 649–662.

Behtoui A. (2004). Unequal opportunities for young people with immigrant backgrounds in the Swedish labour market. *Labour*, 18, 633–660.

Blinder A. (1973). Wage discrimination: Reduced form and structural estimates. *Journal of Human Resources*, 8, 436–455.

Bratsberg B., Barth E., Raaum O. (2006). Local unemployment and the relative wages of immigrants: Evidence from the current population surveys. *The Review of Economics and Statistics*, 88 (2), 243–263.

Brodmann S., Polavieja J. (2007). Immigrants in Denmark: An analysis of access to employment, class attainment and earning in a high-skilled economy. *Demosoc Working Paper*, 21. Barcelona: Department of Political and Social Studies, Pompeu Fabra University.

Brown R., Moon M., Zoloth B. (1980). Incorporating occupational attainment in studies of male–female earnings differentials. *Journal of Human Resources*, 15 (1), 3–28.

Cabral S., Duarte C. (2013). Mind the gap! The relative wages of immigrants in the Portuguese labour market. *Working Paper 05–2013*, Banco de Portugal.

Catanzarite L. (2000). Brown-collar jobs: Occupational segregation and earnings of recent-immigrant Latinos. *Sociological Perspectives*, 43, 45–75.

Commander S., Denisova I. (2012). Are skills a constraint on firms? New evidence from Russia. *IZA Discussion paper*, 7041.

Farer T. (1995). How the international system copes with involuntary migration: Norms, institutions and state practice. *Human Rights Quarterly*, 17 (1), 72–100.

Fontaine F. (2008). Why are similar workers paid differently? The role of social networks. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 32, 3960–3977.

Glitz A. (2014). Ethnic segregation in Germany. *Labour Economics*, 29, 28–40.

Hanson G. (2005). Why does immigration divide America? *Public finance and political opposition to open borders*. Washington, Institute for International Economics. https://gps.ucsd.edu/_files/faculty/hanson/hanson_publication_immigration_divide.pdf.

Hansen J., Wahlberg R., Faisal S. (2010). Wages and immigrant occupational composition in Sweden. *IZA Discussion Papers*, 4823.

Hofer H., Titelbach G., Winter-Ebmer R. (2014). Wage discrimination against immigrants in Austria? *University of Linz Working Paper*, 1406.

Islam A., Parasnis J. (2014). Immigrant-native wage inequality across occupational sectors in Australia. *Monash Economics Working Papers*, 14 (4).

Jann B. (2008). A Stata implementation of the Blinder–Oaxaca decomposition. *ETH Zurich Sociology Working Paper 5*, ETH Zurich.

- Lazareva O. (2015). Russian migrants to Russia: Assimilation and local labor market effects. *IZA Journal of Migration*, 4:20.
- Lazear E. P. (1999). Culture and language. *Journal of Political Economy*, 107 (6), 95–126.
- Lehmer F., Ludsteck J. (2011). The immigrant wage gap in Germany are East Europeans worse off? *International Migration Review*, 45 (4), 872–906.
- Meng X., Zhang J. (2001). The two-tier labor market in urban China: Occupational segregation and wage differentials between urban residents and rural migrants in Shanghai. *Journal of Comparative Economics*, 29, 485–504.
- Mincer J. (1974). *Schooling, experience and earnings*. New York. National Bureau of Economic Research.
- Montoya S., Giordano V. (2012). Immigrants wage gap in the great Buenos Aires labor market: How important are differences in human capital? *Escuela de Economía Francisco Valsecchi*, 36.
- Neuman S., Silber J. (1996). Wage discrimination across ethnic groups: Evidence from Israel. *Economic Inquiry*, 34, 648–661.
- Oaxaca R. (1973). Male–female wage differentials in urban labor markets. *International Economic Review*, 14, 693–709.
- OECD (2011). *International migration outlook 2011*. OECD Publishing, Paris.
- OECD (2013). *International migration outlook 2013*. OECD Publishing, Paris.
- OECD (2015). *International migration outlook 2015*. OECD Publishing, Paris.
- Waldinger R., Bailey T. (1991). The continuing significance of race: Racial conflict and racial discrimination in construction. *Politics and Society*, 19, 291–323.
- Wei X., Lu R. (2007). Labor market segregation and the wage differential between resident and migrant workers in China. http://www.aiel.it/Old/bacheca/NAPOLI/C/WEI_LU.pdf.
- Wright R., Ellis M. (2000). The ethnic and gender division of labor compared among immigrants to Los Angeles. *International Journal of Urban and Regional Research*, 24 (3), 583–600.
- Zorlu A. (2013). Occupational adjustment of immigrants in the Netherlands. *Journal of International Migration and Integration*, 14 (4), 711–731.

Received 30.05.2016; accepted 05.09.2016.